

Писатель как национальный миф в русской литературе¹

Крайне характерно для русской культуры то обстоятельство, что личность и биография писателя могут стоять – по значимости и влиянию на общество – рядом с его же произведениями, а иногда и превыше их. Можно без преувеличения сказать, что биографии многих писателей в сознании русских становятся «романами» не менее популярными, чем художественные произведения, и что эти «романы», так же как собственно литература, воспринимаются в системе русского национального сознания как отражение глубинного значения русской истории, духовных чаяний народа и интеллигенции. Это происходит по принципу *истинности художественной литературы, сакральности книжного слова* в русской традиции.

Таким образом, черты биографий писателей становятся парадигмами судеб России: не случайно одна из любимых тем русской лирики разных эпох – *участь поэта* (например, у Пушкина, Кюхельбекера, Лермонтова, Высоцкого). Совершенно не обязательно миф о писателе создается только тогда, когда автор намеренно его культивирует, как в случае «Есенина-хулигана» и «Лимонова-неудачника» (если приводить примеры из разных эпох). Биографии, насыщенные драматическими и символическими событиями, входят в азбуку массовой культуры – например, жизненные перипетии Пушкина (Лицей, ссылка, дуэль), Достоевского (смертный приговор, каторга), Толстого (побег и смерть на железнодорожной станции) и др.

Вот в чем заключаются коренные различия между русской и европейскими литературами. Если, например, сравнить положение словесности в русской и итальянской культуре, можно обнаружить наряду с некоторыми генетическими параллелями существенную разницу. В целом, несмотря на многовековое отсутствие итальянского государства, некоторые писатели с самого начала были безоговорочно признаны отцами нации, создателями единой культуры и единого литературного языка: это в первую очередь Данте, Петрарка и Боккаччо. Намного позже, в фазе формирования современного национального и языкового сознания в эпоху романтизма, в литературный пантеон Италии вошли еще и Алессандро Мандзони, и – в значительно меньшей степени – Джакомо Леопарди. В том, что писатели и литература имели такое огромное значение, прослеживается сходство с русской историей, а в широком смысле это характеризует период национального возрождения многих народов Европы под влиянием идей романтизма и немецкого идеализма. Мандзони затмевает все вокруг, включая интересных и оригинальных писателей; рядом с его важнейшим романом «Обреченные», настоящим памятником итальянской культуры, каноническая история литературы ставит и другие мандзониевские

произведения, в частности довольно посредственную поэзию. Но так или иначе в Италии нет *культы писателя*, столь типичного для русской массовой и элитарной культуры: дома-музеи являются редкостью и встречаются скорее в маленьких городках, посещают их немногие «посвященные», памятники и мемориальные доски писателям встречаются не очень часто. В России же этот культ до известной степени определяет воспитание, образование и сознание населения на всех уровнях, а дома и квартиры-музеи, памятники, мемориальные доски, надгробия, литературные маршруты украшают ландшафты городов, проводят людей по жизненному пути множества первостепенных и второстепенных литераторов (и, в меньшей степени, представителей других искусств).

Русское традиционное представление о великой роли словесности и писателя никак не сочетается с типичным для постмодерна релятивизмом, с низвержением идеи обретения истины через художественный текст. Возможно, эта тенденция в скором времени уступит место другим – но наверняка оставит свой след в восприятии литературной традиции. Можно предположить, что скоро в России установится новый литературный канон, синтез культурной традиции (литературоцентризм) и современных взглядов (десакрализация); а сохранит ли русская литература свою историческую роль для сознания людей на новом витке истории – это еще вполне открытый вопрос.

¹ Полный текст доклада см.: Литературоведческий журнал. 2007. № 21. С. 15–20.